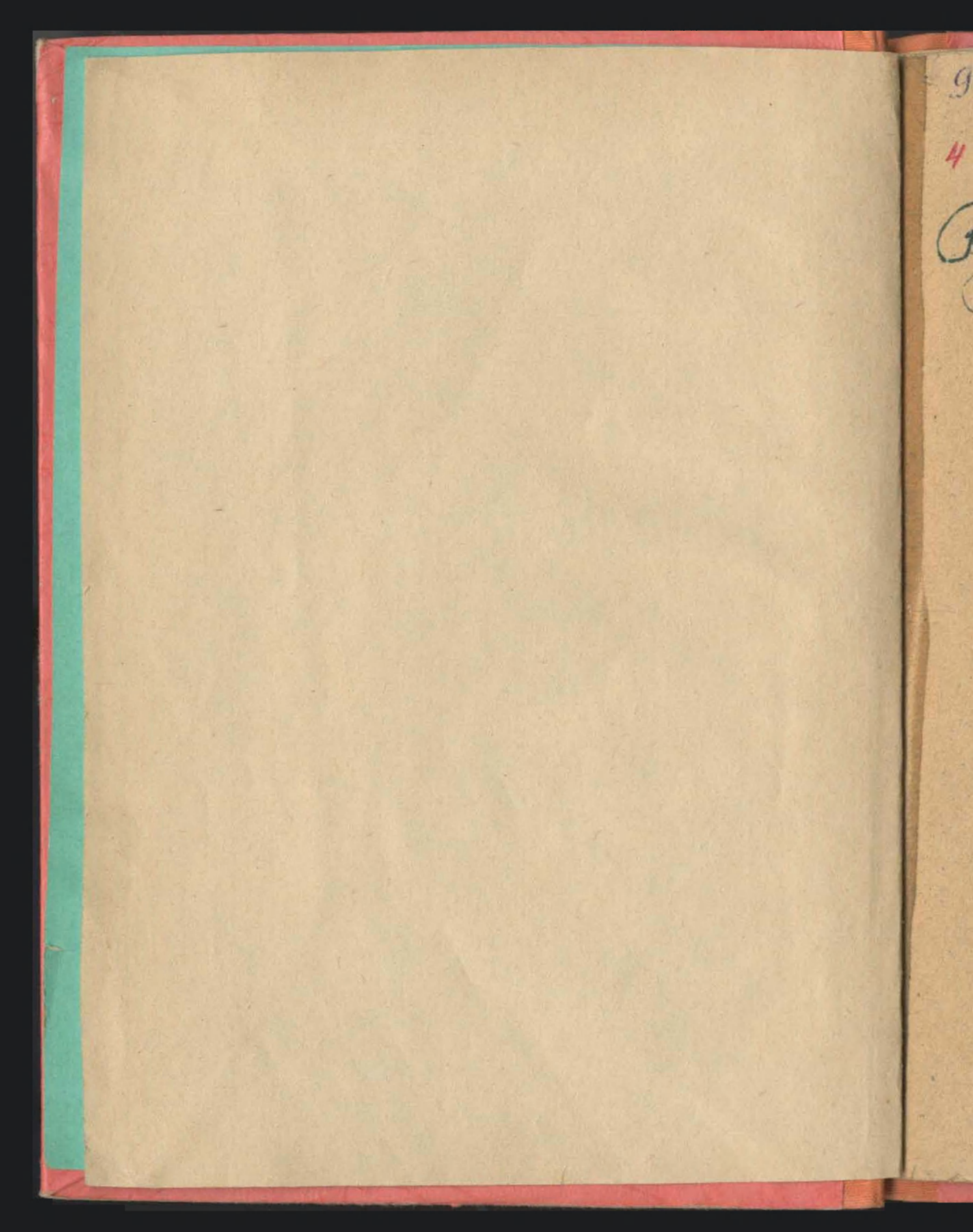
9 (С2) 833171
Е 45

833171

75

Егоровъ А.

+

9(С3) Е415 833171

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ БЛУКАНІЕ

(1777—1791).

Александра Егорова.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", просп., д. Берестецкаго.
1887.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Декабря 1886 г.

ЛИСТОК СТРОКІВ ПОВЕРНЕННЯ

Книга повинна бути повернут
не пізніше зазначеного тут строк

Кількість попередніх видач

25/II-78	пс	
26/II-78	пс	
22/V/04 нп		

Киево-Святош. друк. Арт. КО-087-Б.
Ціна 1 т. прим. 0-80 коп.

833771 к

9(С2)
Е 46

83377

На Самарѣ — Быстрый ростъ и быстрый бѣгъ. — Въ гостяхъ у Кайдачанъ — Черная неблагодарность. — Кайдацкій адвокатъ Никита Коржъ, что царь-пушку кралъ. — На нынѣшнемъ мѣстѣ: — Половица. — Наслѣдство Глоби. — Закладка собора. — Памятники. — Фабрики.

Городу Екатеринославу прежде, чѣмъ онъ усѣлся на томъ мѣстѣ, гдѣ находится онъ въ настоящее время, пришлось побродить болѣе десятка лѣтъ по окрестностямъ. Первое поселеніе города было на рѣкѣ Самарѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Кильчени. Это — верстахъ въ 10 отъ теперешняго расположенія города, между нынѣшними нѣмецкими колоніями Іозефсталемъ и Кронсгартеномъ и Самарою, въ 3-хъ верстахъ отъ самарскаго моста лозово-севастопольской желѣзной дороги. За тѣмъ городъ перешелъ на время въ с. Новые Кайдаки и только съ 1787 года началъ строиться тамъ, гдѣ мы находимъ его теперь. Краткая исторія этого екатеринославскаго блуканія и послужитъ предметомъ нашего разсказа.

Основаніемъ своимъ Екатеринославъ обязанъ азовскому губернатору, генералъ-поручику Василію Алексѣевичу Черткову, который въ срединѣ

ДНІПРО[illegible]СЬКА
ОБЛА[illegible]ВА
ім. Жов[illegible]

лѣта 1777 г. лично выбралъ мѣсто для города, лично положилъ и основаніе ему. Въ началѣ іюня слѣдующаго 1778 г. изъ Бѣлевской крѣпости, что нынѣ Константиноградъ, сюда уже перебрались на жительство и самъ азовскій губернаторъ и азовская губернская канцелярія со всѣми своими отдѣленіями. А 14 октября того же года протоіерей Алексѣй Хан алѣевъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Евгенія Словенскаго, освятилъ новоустроенную въ Екатеринославѣ Святодуховскую церковь, которая заложена была лично преосвященнымъ 10 мая того же года, и строилась казенными людьми, изъ казеннаго матеріала и на казенный счетъ. Черезъ четыре года по основаніи городъ уже считалъ въ себѣ 2194 души, имѣлъ 4 церкви (русскую, греческую, католическую и армянскую) и два училища.

Но мѣсто для города было выбрано крайне неудачно. Омываемый съ трехъ сторонъ водою и расположенный въ низменности, городъ каждую весну затоплялся почти весь. Вода и послѣ спада долго еще задерживалась болотцами, а отсюда происходили вѣчныя лихорадки, болѣзни желудка, горла и т. п. Кромѣ того и судоходность Самары оказалась сомнительною, по крайней мѣрѣ сколько нибудь порядочныя судна не во всякую пору навигаціи могли подходить къ городу. Это причиняло большія неудобства и убытки по-

вороженному военно-торговому городу и вызывало стоны и жалобы торговаго люда. А извѣстно, что торговые стоны самые назойливые. Дошли они до столицы и вотъ въ 1782 г. въ Екатеринославъ былъ командированъ главный штабъ-докторъ Шенфогель для осмотра какъ мѣстоположенія города, такъ и всего самарскаго побережья. Шенфогель нашелъ, что по низменному своему положенію вся эта мѣстность вредна для здоровья, неудобна и гибельна для экономическаго развитія обывателей. Въ томъ же году и строитель города Чертковъ былъ назначенъ воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. По докладу Шенфогеля Потемкинъ выбралъ для Екатеринослава другое мѣсто, на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ была тогда старожитная казацкая слобода Половица. А на мѣстѣ, признанномъ неудобнымъ для Екатеринослава, князь велѣлъ быть Новомосковску. Это произошло въ 1786 г. Жители Екатеринослава (Новомосковска тожъ) стали расходиться. Торговые люди ушли раньше всѣхъ. Жадные до наживы Греки ушли въ Таврію, гдѣ, съ присоединеніемъ края въ 1783 г., закипѣла новая жизнь, болѣе степной привлекавшая къ себѣ народъ, благодаря лучшему климату той мѣстности и приморскому расположенію новаго края. Болѣе скромные русскіе купцы и ремесленники вмѣстѣ съ начальствомъ перебрались въ

Новые Кайдаки. За ними должны были разойтись по бѣлу свѣту и поселяне-земледѣльцы, ибо вся земля ихъ отдана была подоспѣвшимъ на ту пору изъ-за-границы нѣмцамъ, образовавшимъ здѣсь колоніи Іозефсталь и Кронсгартенъ. Большая часть поселянъ пошла въ Черноморію. Въ 1791 году здѣсь, кромѣ городничаго, роты солдатъ да нѣсколькихъ канцеляристовъ, никого уже не было. Еще черезъ два года и самъ Новомосковскъ былъ переведенъ вверхъ по Самарѣ, въ Новоселицу, гдѣ и основался совсѣмъ. Отъ стараго Екатеринослава, по деревянности его, и слѣдовъ никакихъ не осталось: скоро городъ строился и еще скорѣе разстроился и разбѣжался. Такимъ-то образомъ закончились первые годы жизни нашего города. Жизнь его здѣсь, на Самарѣ и Кильчени, была, должно быть, не особенно гладка, ибо и воспоминаній объ этой своей стоянкѣ Екатеринославъ не имѣетъ, да и самое начало своей жизни считаетъ съ 1787 г., т. е. съ той поры, когда основался на новомъ мѣстѣ, въ Половицѣ старо-казацкой.

Но блуканія Екатеринослава, съ оставленіемъ береговъ Самары, еще не окончились: ему велѣно было строиться и екатеринославцы съ Самары разбѣжались; но до построенія города имъ нужно было гдѣ нибудь жить и они пріютились въ Новыхъ Кайдакахъ, лежавшихъ на 3—4 версты

выше Половицы, тоже у самаго Днѣпра. Селеніе это въ то время было уже извѣстно и само по себѣ. На Запорожьѣ его знали давно. О немъ упоминается уже съ 1650 года. Къ 1700 году здѣсь начало селиться семейное казачество, которое находилось въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ Кошу запорожскому, а съ другой къ запорожскому самарскому николаевскому монастырю (что возлѣ Новомосковска). Отношенія эти были постоянны и крѣпки; благодаря имъ, Кайдаки быстро росли, и уже въ 1750 году во всѣхъ бумагахъ войсковыхъ они назывались городомъ: здѣсь была войсковая палавка, со всѣмъ паланочнымъ управленіемъ. Здѣшняя Святониколаевская церковь, по примѣру большихъ поселеній, называлась соборомъ. Къ округу кайдацкому принадлежали селенія отъ Карнауховки до Никополя, по Днѣпру. Вокругъ Кайдакъ запорожцы селились массами. Это былъ бойкій пунктъ, стоявшій на битомъ шляху. Множество проѣзжихъ изъ Малороссіи въ Запорожье и обратно, масса промышленниковъ и торговцевъ сдѣлали Кайдаки мѣстомъ очень оживленнымъ. Въ 1773 году здѣсь считалось до 130 приходскихъ дворовъ. Счетъ этотъ очень умѣренный и по самому скромному исчисленію тамъ нужно считать до 3000 жителей. И вотъ сюда-то зашли екатеринославцы, убѣжавшіе съ низменныхъ и сырыхъ береговъ Самары-

Здѣсь они передохнули передъ поселеніемъ своимъ на мѣстѣ Половицы. Купцы, мѣщане, ремесленники, мастеровые, рабочіе, иностранцы, словомъ—почти все пришлое, что ютилось въ старомъ Екатеринославѣ, прибѣжало въ Кайдаки. Сюда же пришла и уѣздная администрація и временно здѣсь осѣла, ожидая, пока въ Екатеринославѣ—Половицѣ будутъ окончены работы по устроенію казенныхъ и общественныхъ зданій и наблюдая отсюда за этими постройками. Новые Кайдаки въ это время стали еще болѣе оживленнымъ мѣстомъ, благоустройство ихъ сильно поднялось, торговля и промышленность увеличились. Даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, не только мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ, за это время (1787—1791 г.г.) Новые Кайдаки назывались городомъ Екатеринославомъ. Когда Екатерина Великая, въ 1787 году, предприняла свое знаменитое путешествіе въ Крымъ, въ Кайдакахъ намѣчена была остановка и для этой цѣли здѣсь былъ устроенъ временный путевой дворецъ, впослѣдствіи обращенный въ суконную фабрику. Зданіе это немного позже, а именно при постройкѣ фабрики въ Екатеринославѣ, было перенесено туда. (Около Кайдакъ, верстахъ въ тридцати отъ нихъ, у степного шинка запорожца Галайды, Императрица встрѣтилась съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, который выѣхалъ къ ней на встрѣчу черезъ Херсонъ

и за тѣмъ продолжалъ съ нею путешествіе. Здѣсь же, по разсказу Данилевскаго, случайно былъ освобожденъ Екатериною отъ солдатчины племянникъ Галайды—Боровиковскій, уже продавшійся—было за двадцать рублей въ рекрутчину и ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ церковнымъ живописцемъ.)

Вотъ изъ этихъ-то отношеній екатеринославцевъ къ кайдачанамъ и родилось потомъ нѣчто непонятное. Временные гости за пять-шесть лѣтъ привыкли считать поселеніе кайдачанъ своимъ на столько, что и перебравшись въ Половицу продолжали смотрѣть на кайдацкую землю, какъ на свою, и продолжаютъ дѣлать это и по сіе время. Сто лѣтъ прошло съ той поры, какъ кайдачане гостепріимно пріютили у себя екатеринославцевъ, и все это время они плачутся на ихъ черную неблагодарность. Стародавнее кайдацкое владѣніе считается городскимъ, и кайдачане за собственныя, дѣдовскія, усадьбы платятъ городу аренду; сѣютъ хлѣбъ на своей землѣ, но и за посѣвъ этотъ платятъ городу арендную плату.

Одинъ изъ устроителей Половицы, старый запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ ходилъ въ Петербургъ, въ качествѣ адвоката кайдачанъ, «до Царя». При немъ было доложено Государю Александру Благословенному прошеніе его довѣрителей, лежавшее до того два года безъ движенія. Государь, выслушавъ прошеніе, приказалъ немедлен-

но, не въ очередь, разсмотрѣть въ сенатѣ дѣло кайдачанъ съ городомъ, и Коржъ дождался сенатскаго рѣшенія, коимъ кайдачанамъ предоставлено было право жить на своемъ старомъ мѣстѣ «со всѣми правами, какія имѣетъ земство»..Очевидно, этимъ указомъ за Кайдаками было признано право собственности на заселенную ими землю.

Какъ былъ приведенъ въ исполненіе сей указъ, не знаемъ, но городъ и до сихъ поръ считается собственникомъ кайдацкой земли. Разскажемъ здѣсь кстати о хожденіи Коржа и въ Москву по дѣламъ своихъ односельчанъ, михайловцевъ. Новоявленные помѣщики Панчинскій и Верминка отобрали у михайловцевъ всю ихнюю землю. Тѣ жаловались, пошло дѣло въ московскій сенатъ. Пришелъ въ Москву Коржъ. Частенько онъ здѣсь навѣдывался въ сенатъ и все получалъ одинъ отвѣтъ: зайди черезъ недѣлю. Долго бы онъ здѣсь прожилъ, если бы не .одно курьезное происшествіе. Захотѣлось ему разъ измѣрить царь-колоколъ да царь-пушку. Вынулъ онъ веревочку и началъ мѣрять. Какъ на это выбѣгаютъ изъ караулки солдаты. Что ты тутъ дѣлаешь? спрашиваютъ.— Хиба не бачете? гармату вымиряю, отвѣтилъ Коржъ.—Да какъ ты смѣлъ, сякой такой, казенную пушку мѣрить?—Вона жъ отъ того не поменьшае!—Привели его, раба Божьяго, къ караульному офицеру. Тотъ тоже на него накричалъ.

Вотъ Коржъ ему и говоритъ: коли вы таки розумни, що васъ ни якъ не одурышь, то ничого робыть, треба вже признаться: хотовъ я вкрасты вашу пушку, такъ вымирювавъ, чи влизе вона мени въ кишеню.—Офицеръ еще пуще озлился и приказалъ держать Коржа на гауптвахтѣ до прихода дежурнаго. Вечеромъ явился нѣкій премьеръ-маіоръ, разспросилъ подробно Коржа, посмотрѣлъ его документы и узнавъ, что онъ явился въ Москву по дѣлу въ сенатѣ, обѣщалъ попросить за него дядюшку своего сенатора, и велѣлъ отпустить Коржа на свободу. Черезъ нѣсколько дней отправился Никита Леонтьевичъ въ сенатъ, за справками, а тутъ уже ожидали его, провели прямо въ присутствіе. Какъ увидѣли его сенаторы, такъ всѣ и расхохотались.—А, это тотъ молодецъ—казакъ, что хотѣлъ царь-пушку украсть да въ карманъ спрятать!—Посмѣялись сенаторы, да тутъ же разспросили его и про дѣло. А черезъ нѣсколько дней вышло рѣшеніе въ пользу довѣрителей коржевыхъ.

Но возвратимся къ дѣлу. Посмотримъ на мѣсто, указанное княземъ Потемкинымъ екатеринославцамъ для поселенія, для устройства города. Половица гораздо позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ Кайдаки. Названіе свое она получила, вѣроятнѣе всего, отъ перваго своего заселителя, какого нибудь запорожца—Половика, также какъ и боль-

шая часть нашихъ селеній. Хотя по сказанію архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Гавріила, оставившаго намъ со словъ упомянутаго Коржа очень интересное описаніе первыхъ дней Екатеринослава, нѣкоторые производятъ слово «Половица» отъ ягоды полуницы, росшей въ этой мѣстности въ такомъ изобиліи, что колеса проѣзжавшихъ здѣсь повозокъ мгновенно дѣлались красными. Заселяться Половица стала около половины прошлаго вѣка, по всей вѣроятности, выходцами изъ сосѣднихъ слободъ, Новыхъ и Старыхъ Кайдакъ, Михайловки и другихъ. Было здѣсь нѣсколько зимовниковъ; у Днѣпра противъ острова, на горѣ—противъ нынѣшняго духовнаго училища, у канавы, гдѣ до 1860 года была мужская гимназія; но больше всего селилось народу на балкахъ Войцеховой и Бобыревой, что нынѣ Фабричная и Аптекарская. Здѣсь селились малороссы и польскіе выходцы. Слѣды ихъ долго оставались въ самыхъ названіяхъ балокъ—Войцехова очевидно польскаго происхожденія, Бобырева несомнѣнно казацкаго. Особенно много народу прибавилось въ Половицѣ въ 1768 году, во время татарскаго набѣга, и въ 1775 году, послѣ разрушенія Сѣчи запорожской. Въ 1779 году Половица считала у себя 125 дворовъ и ходатайствовало о построеніи собственной церкви—до того она считалась въ кайдацкомъ приходѣ. Въ числѣ ходатаевъ, въ

оставшихся документахъ, упоминаются полковые есаулы Лазарь Глоба, Игнатъ Каплунъ и Андрей Мандрыка, полковой хорунжій Данило Косолапъ, ктиторы Федоръ Крошка и Федоръ Скокъ и громадскій писарь Василій Кіяница. Деревянная церковь во имя апостоловъ Петра и Павла была уже построена, но, до освященія ея, 6 Августа 1783 года сгорѣла, и только осенью 1786 года половичане имѣли молитвенный домъ во имя Казанской Божьей Матери. Тою же осенью явилось сюда множество рабочихъ для постройки города, которая продолжалась до 1791 года. За это время Половица сохранала еще свое старое названіе, за это же время половичанъ понемногу расселяли по сосѣднимъ слободамъ. Часть ихъ пріютилась по близости, за горой, около займища Андрея Мандрыки и образовала Мандрыковку, а большая часть переведена въ Сухачевку. Въ періодъ времени съ 1791 по 1793 годъ губернскій городъ Екатеринославъ совсѣмъ усѣлся на мѣсто Половицы и названіе ея уже перестаетъ съ этихъ поръ существовать.

Изъ всѣхъ половичанъ для насъ памятнѣе другихъ—полковой эсаулъ Лазарь Глоба. Пришелъ онъ въ Половицу, со своею «челядью», изъ Новыхъ Кайдакъ и сѣлъ у Днѣпра, на горѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ дворянскаго собранія, такъ называемый дворецъ Потемкина. Глоба,

какъ и вообще запорожцы на склонѣ лѣтъ, былъ большой любитель-садоводъ. Съ помощью своихъ сожителей Корка и Каплуна онъ насадилъ большой садъ, нынѣ потемкинскій. Здѣсь же, въ проливѣ, онъ имѣлъ и двѣ мельницы: одну по сю сторону пролива, гдѣ позже была мельница купца Заславскаго, сгорѣвшая зимою 1875 года, мукомольную, а другую у острова—сукновальную. Немного позже, когда на займищѣ Глобы Потемкинъ приказалъ строить свой дворецъ, Глоба перебрался вверхъ по Днѣпру и здѣсь развелъ другой громадный садъ—теперь разбитый на два сада: городской и казенный. Но и здѣсь Глоба не долго пожилъ. Скоро начали строить около его сада казенныя фабрики суконную и шел. вочулочную (уцѣлѣвшіе и обновленные корпуса ихъ заняты нынѣ косиньмъ цейхгаузомъ и управленіемъ Екатерининской желѣзной дороги). Къ этой послѣдней фабрикѣ и пріурочили садъ. Глоба умеръ столѣтнимъ старцемъ. Кто-то поставилъ ему памятникъ въ городскомъ саду. Говорятъ, что тамъ онъ и похороненъ. Памятникъ простой, кирпичный, оштукатуренный, существуетъ и до нынѣ. Онъ ничѣмъ не огороженъ и вслѣдствіе этаго весь испещренъ непечатными надписями во вкусѣ такъ называемой заборной литературы. Если правда, что тутъ дѣйствительно хранятся останки Глобы (а вѣрить этому мы должны потому, что пока-

завіе объ этомъ записано въ сочиненіи архіепископа Гавріила со словъ сожителя Глобы Коржа), то городскому управленію слѣдовало бы, кажется, прекратить кощунственное отношеніе городскихъ мальчишекъ къ надгробному памятнику человѣка, оставившаго городу такое богатое наслѣдство, какъ сады городской и потемкинскій. Безъ нихъ Екатеринославцы буквально не имѣли бы мѣста, гдѣ отдохнуть въ знойное, пыльное лѣто. Кстати, объ этихъ садахъ. Въ настоящее время они представляются далеко не въ томъ видѣ, какой имѣли раньше. Потемкинскій садъ, составляющій собственность дворянства Екатеринославской губерніи, находится почти безъ всякого призору и уже на половину облысѣлъ. Казенный садъ, прежде славившійся на всемъ югѣ разнообразіемъ и роскошью своихъ культурныхъ и плодовыхъ деревьевъ, нынѣ находится въ рукахъ плохаго арендатора и съ каждымъ годомъ замѣтно, очень замѣтно портится. А городской въ верхней своей части тоже облысѣлъ, а въ нижней черезъ чуръ уже застроенъ своимъ не въ мѣру коммерческимъ арендаторомъ. А когда-то сады эти славились. Казенный имѣлъ въ длину 500 и въ ширину 175 саженей; а потемкинскій въ длину 450, при ширинѣ во 160 саженей. Согласно указу Императора Александра Павловича, обнародованному 14 Августа 1806 г., сады эти назначены «для развитія систематиче-

сваго садоводства», съ цѣлью снабженія Новороссійскаго края фруктовыми и рѣдкими деревьями. При казенномъ садѣ съ 1807 по 1858 годъ существовало училище садоводства, откуда сосѣдніе помѣщики безъ особенныхъ затратъ могли имѣть опытныхъ садовниковъ. Титовъ въ 1848 году писалъ о казенномъ садѣ, что «онъ одинъ изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ публичныхъ садовъ и содержится въ образцовомъ порядкѣ, имѣетъ безчисленное множество фруктовыхъ деревьевъ, богатый виноградникъ и превосходную оранжерею, воспитываетъ милліоны шелковичныхъ червей и славится училищемъ садоводства». Все это было и скоро прошло!

Замыслы князя Потемкина о построеніи и устроеніи Екатеринослава были громадны. По планамъ его, утвержденнымъ указами Императрицы Екатерины Великой 22 генваря 1784 года, 4 сентября того же года и 13 Октября 1786 года, городъ долженъ былъ занять мѣстность отъ Днѣпра до Мокрой Суры. Кайдаки Новые и Старые входили въ городъ въ качествѣ его предмѣстій, форштадтомъ. Здѣсь предполагалось устроить двѣнадцать фабрикъ. Здѣсь, на Монастырскомъ (нынѣ Бураковскій) островѣ долженствовалъ быть воздвигнутъ университетъ съ академіею художествъ и музыки, съ хирургическимъ и народнымъ училищами при немъ. Преображенскій каѳедральный соборъ замы-

шлялся двѣнадцатипрестольнымъ и, какъ говаривалъ Потемкинъ, на аршинчикъ повыше римскаго собора апостола Петра. Тутъ же свѣтлѣйшій, рядомъ съ соборомъ, хотѣлъ выстроить и собственный дворецъ. Изо всѣхъ этихъ предположеній удалось Потемкину только заложить соборъ да построить дворецъ, обращенный сейчасъ же въ генералъ-губернаторскій домъ.

Закладка собора произошла торжественно 9 мая 1787 года, и произведена лично Императрицею въ присутствіи австрійскаго императора Іосифа II. На другой день послѣ встрѣчи съ Іосифомъ подъ Кайдакамп, Императрица съ утра, со всею свитою, прибыла въ Половицу, къ мѣсту, выбранному для построенія собора. Здѣсь въ походной палаткѣ архіепископомъ Амвросіемъ было совершено торжественное служеніе, послѣ котораго Екатерина положила первый камень новаго собора. Второй былъ положенъ Іосифомъ австрійскимъ. Около мѣста закладки богачемъ-подрядчикомъ Фалѣевымъ были устроены легкіе, красивые павильоны, гдѣ онъ предполагалъ предложить Государынѣ со свитою обѣдъ. Но приготовленія его пропали даромъ. Императрица немедленно послѣ закладки собора сѣла въ экипажъ и отправилась продолжать свой путь въ Крымъ. У ненасытецкаго порога она остановилась. Здѣсь, съ Монастырька (громадная скала на правомъ берегу Днѣпра),

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА
ОБЛАСНА ...
ім. Жовтневої ...

она смотрѣла на проходъ черезъ порогъ царской флотиліи, подъ командой лоцмана Позторацкаго и тамъ же обѣдала у правителя намѣстничества Синельникова, которому только что отмежевано было до 50 тысячъ десятинъ земли по обѣ стороны Ненасытца.

Вотъ съ этой-то закладки собора нашъ Екатеринославъ и получилъ свое начало.

Присутствовавшіе при семъ иностранцы подсмѣивались надъ грандіозными планами Потемкина. Іосифъ II сказалъ въ тотъ же день своей свитѣ: «сегодня я совершилъ великое дѣло: Императрица положила первый камень новаго города, а я второй и послѣдній». А французскій министръ графъ Сегюръ, тоже путешествовавшій въ свитѣ Императрицы, писалъ объ этомъ торжествѣ такъ: «сегодня заложенъ соборъ, въ которомъ никогда не будетъ служенія». Слова Сегюра оправдались вполнѣ. Заложенный Екатериною соборъ дальше фундамента не строился. Существующій же нынѣ на томъ же мѣстѣ построенъ уже при Императорѣ Николаѣ I въ 1834 году и далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предполагался сначала. Вмѣсто двѣнадцати онъ выстроенъ всего на три престола, а фундаментъ прежняго собора послужилъ оградою для новаго.

На память о пребываніи Императрицы въ Екатеринославѣ и въ честь ея поставлено въ разныхъ

время три памятника. Первый по времени — это *царицына миля*, что стоитъ теперь за соборомъ, у самой ограды, противъ богоугодныхъ заведеній. Миля эта поставлена по распоряженію Потемкина въ день закладки собора. Сооружена она изъ простаго известковаго камня и стояла на земляномъ курганѣ. Потомъ, въ 1835 году, курганъ былъ срытъ, а миля обложена камнемъ и обнесена чугунною рѣшеткою. Въ настоящее время не осталось никакого слѣда отъ рѣшетки, и самая миля замѣтно разрушается. Другой памятникъ сооруженъ въ 1834 году и стоитъ въ самой оградѣ собора, за алтаремъ, противъ Потемкинскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ заложенъ Екатериною первый соборъ. На четыреугольномъ гранитномъ пьедесталѣ, къ которому ведутъ три ступеньки изъ плитняка, стоитъ колонка, взятая, какъ написано на памятникѣ, изъ древняго Херсонеса Таврическаго. Наконецъ, третій памятникъ стоитъ передъ соборомъ на ярмарочной площади. Онъ поставленъ дворянствомъ въ 1846 году. Открытіе его происходило 26 Сентября того же года, въ присутствіи многочисленнаго народа, съѣхавшагося къ этому времени на ярмарку. Памятникъ этотъ имѣетъ свою исторію. Онъ былъ заказанъ въ Берлинѣ еще Потемкинымъ, который предполагалъ открыть его во время путешествія Екатерины. Но берлинскіе мастера кончили его

годомъ позже срока. Черезъ нѣсколько лѣтъ памятникъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и находился долгое время на литейномъ заводѣ Берда. Екатеринославское дворянство, давно желавшее почтить память Императрицы-основательницы города, случайно узнало въ 1845 году о лежавшей у Берда статуѣ и пріобрѣло ее за 7000 рублей. Статуя, вышиною въ $4^1/_2$ аршина, представляетъ Императрицу стоящею, въ малой коронѣ на головѣ, въ римскомъ военномъ панцырѣ, надѣтомъ поверхъ длиннаго широкаго платья. Съ лѣваго плеча падаетъ длинная тога. Лѣвая рука приподнята. Статуя стоитъ на пьедесталѣ, такой же вышины, на лицевой сторонѣ котораго надпись: «Императрицѣ Екатеринѣ II отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи въ 1846 году». Памятникъ окруженъ четыреугольною чугунною рѣшеткою, каждая сторона которой въ шесть аршинъ длины; по угламъ четыре небольшія колонки съ двуглавыми орлами на верху и барельефными гербами восьми уѣздовъ по срединѣ. На каждой изъ четырехъ сторонъ рѣшетки старинный гербъ Екатеринославской губерніи, съ разными, по обѣ стороны герба, символическими атрибутами, обвитыми лавровыми вѣнками. Атрибуты эти заимствованы изъ жалованной екатеринославскому дворянству грамоты и означаютъ воинственность, законодательство и управленіе.

Памятникъ въ настоящее время окруженъ небольшимъ скверомъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ въ первые годы существованія Екатеринослава было устройство здѣсь фабрикъ суконной и шелково-чулочной. Фабрики эти были переведены сюда по указу Екатерины II отъ 30 Мая 1793 г., шелково-чулочная изъ Купавны, что подъ Москвою, а суконная изъ мѣстечка Дубровны Могилевской губерніи. Открыты онѣ въ 1794 году. Первымъ директоромъ былъ Кнорринъ. Рабочихъ на нихъ было до 2000 человѣкъ. Фабрикъ этихъ давно уже нѣтъ.

Дальнѣйшая исторія города не входитъ въ нашъ разсказъ. Скажемъ только, что со смертію Потемкина городъ потерялъ своего покровителя, строился уже не по планамъ его, и долго не жилъ, а просто прозябалъ. При Императорѣ Павлѣ онъ былъ даже въ немилости. 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая, а 22 декабря того же года Павелъ повелѣлъ Екатеринославу именоваться «Новороссійскомъ», и только при Александрѣ Благословенномъ, съ декабря 1802 года, ему снова возвращено прежнее имя.

12226/75
5 2

